

18+

АЛИСА ЦАРЕВА

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

СБОРНИК ФАНТАСТИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ

Алиса Царева

**Другая жизнь. Сборник
фантастических рассказов**

«Издательские решения»

Царева А.

Другая жизнь. Сборник фантастических рассказов / А. Царева —
«Издательские решения»,

В этот сборник вошли лучшие рассказы о будущем в жанре фантастики,
исследующие тайны происхождения человечества и наше место во Вселенной.

© Царева А.

© Издательские решения

Содержание

Прогресс	6
Бальница	8
Неприкасаемая	12
Без срока годности	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Другая жизнь

Сборник фантастических рассказов

Алиса Царева

Дизайнер обложки Алиса Царева

Редактор Алиса Царева

Корректор Ирина Цыпленкова

Telegram @za-alisie

ВКонтакте atsareva2003

© Алиса Царева, 2026

© Алиса Царева, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-2452-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Прогресс

У лавки, где торговали чугунными деталями и смолой, собралась толпа. Все пялились на старенький телевизор, установленный на бочке.

— Глеб, давай погромче! — крикнул кто-то сзади.

— И так слышно! — отмахнулся Глеб, не отрывая взгляда от экрана. — Смотрите-ка... Говорят, робот.

На экране по белой сцене шел человек. Его движения были похожи на танец — абсолютно плавные, лишенные малейшего усилия.

— Да брось, Глеб, — фыркнул рядом стоящий Андрей, поправляя потрепанный плащ. — Это ж актер в костюме. Видишь, как плечо ведет? Никакие шестеренки так не умеют.

— А диктор-то говорит — робот! — упрямо настаивал Глеб.

Внезапно на сцене появился человек в белом халате с чем-то, напоминающим хирургический инструмент. Без лишних слов он присел и быстрым движением сделал надрез на ноге идущего по сцене существа. Толпа на рынке ахнула. Но кровь из разреза не хлынула — вместо этого заискрились пучки оптических волокон, а наружу выплеснулась густая белая жидкость.

— Матерь божья... — прошептал Андрей, отшатнувшись и бледнея. — Оно... оно не кричит. Не падает.

Существо на экране лишь повернуло голову и улыбнулось теплой, почти сочувственной улыбкой, словно извиняясь за причиненное беспокойство.

— Прекрасно и жутко, — выдавил Глеб, сжимая в потных ладонях гаечный ключ. — Наша плоть — она хрупкая. А это... это что-то новое. И оно совершеннее нас.

В подвальной мастерской, пахнувшей машинным маслом и озоном, старый инженер Стас яростно стучал костяшками пальцев по верстаку.

— Видал, Вань? Видал, что они сотворили? — его голос дрожал от возбуждения. — Это же нейромышечный контроль! Теория, о которой мы читали в старых книгах!

— Пластика невероятная, — не отрываясь от экрана, согласился молодой ученик. — Они не копируют человека, они его превосходят!

На сцену вышел второй участник дуэли. Высокий, угловатый, он двинулся вперед. Его шаги отдавались глухим лязгом. Рука рывком поднялась, замерла, и раздался неприятный скрежет.

— Ой, — фыркнул Иван, и по его лицу поползла ухмылка. — А это чье «технологическое чудо»? Соседи-гордецы?

Зал на экране взорвался смехом. Дергающийся робот застыл в нелепой позе, будто прося пощады.

— Да как же не смеяться? — продолжал Иван. — Клоун! А ведь они целый год трубили о прорыве!

— Перестань ржать! — вдруг рявкнул Стас, с силой швырнув на пол масленку. — Ты ничего не понимаешь!

— А что тут понимать? Железное корыто!

— Это мы! — прошипел старый инженер, тыча пальцем в экран. — Все мы! Весь наш мир, который топчется на месте! Мы гордимся своими паровыми тачками и механическими счетами, а они... они уже в другом измерении. Мы смеемся над этим уродцем, потому что боимся увидеть в нем свое отражение!

На стенах кабинета висели ковры из шерсти редких коз. Два чиновника смотрели по телевизору ту же трансляцию.

— Катастрофа, — тихо произнес старший, Сергей Петрович, сжимая ручки кресла до побеления костяшек. — Полный идеологический провал.

— Но «Титан-7» прошел все испытания, — слабо возразил его помощник, Дмитрий. — По бумагам все характеристики...

— Бумаги! — Сергей Петрович вскочил и ударил кулаком по столу. — Ты мне про бумаги? Их творение дышит изяществом! А наше... наше шаркает и скрежещет, как телега с разбитым колесом! И этот их трюк с ногой!

Он тяжело дышал, глядя в окно на медленно вращающиеся лопасти ветряка — символ их «прогресса».

— Что же нам делать? — растерянно спросил Дмитрий.

— Они показали будущее, — с горечью сказал Сергей Петрович. — А мы продолжаем жить в прошлом. И весь мир это увидел.

Споры не утихали несколько дней после презентации роботов. Казалось, мир разделился на два лагеря: восхищенных первым роботом и жалеющих второго. Но все изменилось, когда в сеть просочилось сообщение от анонимного инсайдера.

Глеб и Андрей снова стояли у лавки, читая текст на экране планшета:

«Наш „робот“ — не робот. Это лучший мим страны в экзоскелете нового поколения. Весь спектакль был постановкой, чтобы унижить конкурента».

— Так я и знал! — торжествующе крикнул Андрей. — Человек! Я же говорил!

Глеб ничего не ответил, продолжая читать. Его лицо вытянулось.

— Что там еще? — спросил Андрей.

— Почитай сам, — мрачно ответил Глеб. — Дочитай до конца.

Андрей взял планшет и пробежал глазами по тексту. Его ухмылка медленно сползла с лица, сменяясь недоверием, а затем — тихим шоком.

«...а вот над кем вы смеялись — это и был настоящий прорыв. Его „дерганные“ движения — алгоритм неслыханной энергоэффективности. Каждое движение просчитано для минимальных затрат. „Скрежет“ — работа принципиально нового привода. Его „провал“ на сцене был крайним стресс-тестом. Его сломали, а он продолжил работу».

На рынке воцарилась тишина, нарушаемая лишь шепотом дождя. Глеб посмотрел на свои руки, испачканные мазутом и смолой, на простые механизмы и свой прилавок. Он посмотрел на Андрея и увидел в его глазах то же опустошение, что было в его душе.

Бальница

Пайетки, яркие цвета платьев, макияж и отблески бижутерии бросались в глаза. Музыка слилась с биением сердца. Ноги с легкостью вытанцовывали сложные фигуры на паркете. Молодой парень уверенно кружил партнершу. От быстрых движений захватывало дух у обоих. Чувство соперничества с другими парами и ощущение от взглядов остальных пульсировали под кожей, придавая сил на новые элементы танца. Их пара с каждым движением все ярче выделялась на паркете в вихре самбы.

Всплеск танцевальной энергии был настолько мощным, что порой казалось, будто Эмма заряжает воздух вокруг себя, заставляя его искриться. Каждый шаг был пропитан такой силой и страстью, что зрители не могли удержаться от эмоций и подбадривали участников громким: «Дава-а-а-й!». Эмма танцевала и с каждым взмахом рук собирала эмоциональную энергию, разрывающую оковы серости и скуки. Музыка плавно стихала, а в ее голове все билось желание: «Хочу еще! Еще! Еще!».

Музыка отзвучала последним ударом. Эмма замерла в финальной позе, грудь вздымалась, а по спине струился пот. Зал взорвался аплодисментами. Она поймала взгляд своего партнера, Лео. В его глазах читался тот же восторг, та же дикая усталость.

— Сделали! — выдохнул он, помогая ей выпрямиться. Его ладонь на спине была горячей и влажной.

— Еще бы! — ответила она, сияя. — Но «Колесо» в третьей фигуре чуть не подвело.

Перед оглашением результатов Эмма стояла рядом с Лео, до боли скрестив пальцы на удачу. Мозг прокручивал их танец снова и снова в поиске ошибок. Все было безупречно! Но все же томительная тишина ожидания и взгляды соперников холодили душу. Их пара заняла первое место. Церемония награждения прошла в привычной суете: вспышки фотокамер, холодный металл медалей на шее, тяжелый граненый кубок в руках. Эмма улыбалась, но ее взгляд искал в толпе знакомое лицо — бизнесмена из фонда «Прометей», который подходил к ней накануне. Его предложение висело в воздухе сладким, тревожным обещанием. Когда они спустились со сцены, к ним протиснулся организатор с конвертом — скромным гонораром за победу. Бумажка была тонкой. Лео со смешком сунул ее в карман брюк: «На ужин хватит». Эмма кивнула, но внутри появилось негодование: «Ужин? А костюмы? А поездка на международный турнир?» — Завтра в десять? — тихо сорвалось с губ Эммы.

— Ага.

Они разошлись у раздевалок. Эмма смыла с себя блески и яркий макияж, сменила ослепительно-бирюзовое платье, по весу не больше перышка, на простые джинсы и белый свитер. Выходя из тихого служебного выхода она чувствовала приятную истому в мышцах и легкую пустоту после выплеснутых эмоций.

Возле темного седана на улице стоял мужчина. Он был одет как обычный бизнесмен.

— Мисс Эмма Рейнольдс?

— Да?

— Меня зовут Артур Вейл. Я представляю фонд «Прометей». Мы... восхищены вашим талантом. Ваша энергия на паркете — это редкий товар. Я хотел бы предложить вам еще раз спонсорский контракт. Полное финансирование тренировок, костюмов, лучшие турниры мира. Сумма будет в пять раз превышать ваши текущие гонорары.

Девушка замерла. Мечта всей жизни материализовалась у черного крыла автомобиля. Голос внутри кричал «Да!», но что-то в ледяной гладкости его тона заставило ее спросить:

— Какие условия?

— Детали обсудим завтра в моем офисе. Но, разумеется, для такого уровня нужна... переупаковка. Вы — алмаз, но вам требуется идеальная огранка. — с широкой улыбкой произнес мужчина и протянул девушке прозрачную визитку со своими контактами.

На следующий день в кабинете на верхнем этаже небоскреба «огранка» обрела конкретные черты. Контракт был до ошеломления щедрым, но пункты шли один за другим, как удары ножом.

— Длинные волосы — это мило, но несовременно. Со стрижкой каре вы будете похожи на дерзкую воительницу. — произнес Артур, хищно всматриваясь в хрупкую фигуру девушки. — Что касается костюмов, то ваш стилист слишком скромнен. Мы хотим больше оголенной кожи, больше блеска. Зритель должен видеть не только спорт, но и... соблазн. — собеседник продолжал настойчиво разъяснять условия договора.

Дыхание Эммы стало чаще. Глаза продолжали вчитываться в мелкие буквы.

— Смена партнера? А чем вас не устраивает мой?

— Лео... хороший танцор, но недостаточно харизматичен для нашего медиа-образа. У нас для вас есть другой партнер. Маркус. Он полностью разделяет наше видение.

Эмма помедлила. Электронные часы ярко-синим цветом показывали 09:50.

«Черт! На тренировку не успеваю.»

— Вы же хотите быть лучшей? Или вы просто любите потанцевать в свое удовольствие? — его вопрос повис в воздухе, уничтожая ее сомнения. — От нашего партнерства вы получите гораздо больше пользы, все, о чем только мечтаете: деньги, славу, турниры на международном уровне, вам всего-то нужно немного изменить свой привычный стиль.

— И сменить партнера с которым я с самого начала танцев...

— Вы в любое время сможете расторгнуть договор. Но если вас не устраивают условия, тогда я предложу другой танцовщице...

— Хорошо. Я подпишу, но если что-то меня не устроит, то я уйду.

Стрижка была первым актом глобального преображения. Парикмахер, щелкая ножницами, отрезал прядь за прядью. Эмма смотрела, как в зеркале исчезает девушка с косой, а на ее месте появляется странная, угловатая особа. Отрезанные волосы тихо падали на пол.

Новые костюмы шили из тканей, которые больше походили на систему ремешков и страз. В процессе танцев, по задумке, цепи и ремешки должны развиваться и привлекать внимание.

Маркус, ее новый партнер, был прекрасен, как статуя, и холоден. Его руки на тренировке вульгарно касались ее. В это время он смотрел не в глаза партнерши, а куда-то поверх головы, на воображаемую камеру.

Все завершилось после одного из приемов для «друзей фонда». Вейл назвал это «нетворкингом». Было много шампанского, громкого смеха и пристальных взглядов. Эмма в своем новом «боевом» платье чувствовала себя товаром на витрине. Маркус куда-то исчез. Вейл подвел ее к пожилому мужчине с тяжелыми руками и сказал:

— Познакомься, наш главный инвестор. Он хочет обсудить твои перспективы. Приватно.

— Ты особенная, — сказал инвестор, разливая коньяк. Его голос был сиплым и спокойным. — Но особенных много. Балет, фигурное катание, легкая атлетика, эти ваши... бальные танцы. Вы все думаете, что продаете талант, грацию. А рынок покупает другое. Красоту. Молодость. Доступность. Мечту, которую можно купить.

Эмма молчала, прижимаясь к спинке кресла.

— Мир устроен просто, девочка. Мы спонсируем спорт, где торгуют девушками. Прямо не говорим, конечно. Но навязываем: стань полуголой роковой дамой с сигаретой в рекламе, бутылкой на пати. Это работает. Зритель хочет гламура, немного греха. И только так — через этот образ, через нашу упаковку — можно пробиться на самый верх. Или ты думаешь, чистый

талант сам проложит дорогу? — Он усмехнулся, сделав глоток. — Без нас ты останешься в зале с душным воздухом, с партнером-неудачником и будешь мечтать о кубке, который никогда не сможешь себе позволить. Мы даем тебе все. А ты даешь нам... то, что мы хотим. Это честный обмен.

В этот момент в ее сумочке вновь завибрировал телефон. Не глядя, Эмма знала — Лео. Наверное, писал что-то вроде: «Эм, что происходит? Где ты? Вейл — мудака, не верь ему». Но читать было уже поздно. Дорогие духи в комнате стали пахнуть ловушкой.

Неслышные для остальных крики. Грубые руки, разрывающие тонкую ткань. Боль. Аромат дорогого парфюма, смешавшийся с запахом ее страха. Она лежала и смотрела в потолок, а в голове, отключившейся от реальности, продолжала играть бразильская самба.

На часах было ровно 12:00.

«Скоро их выход».

Девушка поспешно оделась в турнирное платье, поправила макияж и прическу и на негнувшихся ногах двинулась к лифту.

На первом этаже отеля она быстро нашла свою сцену. После произошедшего паркет оказался ей подиумом аукциона. На нем кружились девушки в пестрых открытых платьях и мужчины с расстегнутыми до самой ширинки темных штанов рубашками.

«Не пары, а клиенты с обслугой».

Яркие пайетки на платьях превратились в отсветы неоновых вывесок в квартале красных фонарей. Ослепительные улыбки партнеров стали профессиональными продажными гримасами. Сложные поддержки и наклоны — не спортивными элементами, а откровенным стриптизом, медленным раздеванием перед жаждущей толпой. Музыка — не ритмом сердца, а фоновой музыкой в борделе. Блеск кубков и медалей мерк перед блеском монет, переходящих из рук в руки.

В вихре танца, под холодными руками Маркуса, в ее сознание прорывались обрывки прошлого. Тот самый зал с душным, пыльным воздухом, где они с Лео до седьмого пота отбывали связку. Простенькое, но любимое бирюзовое платье с пришитыми мамой стразами. И мама... ее кашель, прорезающий ночную тишину в их крошечной квартире в промзоне. Погибшая от легочной болезни, пока они копили на поставки чистого воздуха, которые так и не успели заказать.

— Выбейся, дочка, — шептала она, сжимая ее руку. — Выбейся хоть куда-нибудь...

Образования не было, только это тело, эти ноги, этот танец. Танец, как единственный лифт из подвала. Да, это продажа. Но разве у нее был другой товар? Разве был иной шанс?

Бальные танцы. Весь этот мир, в который она влюбилась за его красоту, грацию и страсть, был гигантской, легализованной ширмой. Фабрикой по упаковке и продаже молодых тел под соусом искусства и спорта. Ее отрезанные волосы, пошлые наряды, холодный Маркус, ласковый вкрадчивый Вейл — все это были звенья одной цепи. Ее не тренировали. Ей торговали. Но она сама пришла на этот рынок. Добровольно. Потому что иного пути к «хорошей жизни» для нее не существовало.

Музыка заглушила стук собственного сердца. Эмма вышла на паркет, но ее тело казалось чужим, деревянным. Руки Маркуса обхватили ее с привычной, бездушной точностью. Его ладони, всегда холодные, теперь жгли кожу как клеймо.

Она начала двигаться. Ноги, годами поминавшие каждый шаг, теперь выполняли их автоматически. Раз-два-три, раз-два-три. Но в голове звучал иной счет. Счет секунд до конца. Счет денег, вложенных в этот номер. Счет пошлых взглядов, скользящих по ее ногам, бедрам, груди, почти вырывающейся из разреза платья.

Яркие пайетки на ее новом, ультракоротком наряде бросали в глаза ослепительные блики. Она видела их отражение в темных стеклах вип-лож — словно сигнальные огни, вспыхивающие в ночи. Каждый поворот, каждый наклон, который раньше был вызовом гравитации и

триумфом силы, теперь ощущался как медленное, методичное раздевание. Ткань, похожая на сеть, не скрывала, а подчеркивала прелести молодой девушки. Сложная поддержка, где Маркус высоко взметнул ее, вызвала не восхищенный вздох, а гул одобрения — не за технику, а за угол обзора.

Она смотрела поверх голов Маркуса, в пространство. Ее улыбка, вымученная и застывшая, будто была нарисована поверх ее настоящего лица. Внутри все сжалось в ледяной, невыплаканный ком. «Это не танец,» — думала она, чувствуя, как ее душа отделяется от тела и наблюдает за происходящим с высоты. «Это демонстрация товара. А я — живой манекен.»

Когда музыка стихла, и они замерли в финальной позе — ее спина выгнута, грудь выставлена вперед, пустой взгляд направлен в яркий свет софитов — аплодисменты прозвучали для нее как шум падающих монет в кассовый аппарат. Она не слышала их. Она слышала только тишину внутри. Тишину смирения и понимания, что лифт продолжает движение вниз, а она уже не может сойти.

Неприкасаемая

Дверца шкафчика открылась с тихим щелчком. В гнезде из пыльных проводов лежали два золотых кольца. Я на миг задержала дыхание. «Перчатки остались в прихожей на консоли!». Холодная и ровная поверхность украшения побольше так и просила прикоснуться к ней. Трепещущее чувство любопытства пересилило осторожность. Палец дотронулся до холодного золота. Кончики пальцев считали пласты прожитого владельцем: радость, настолько острую, что перехватило дыхание в голове вспыхнула нежность от прикосновения к свадебному платью. Умиротворяющую теплоту (совместный быт), ослепительную вспышку любви и плач новорожденного (первый ребенок). Кислотная горечь измены, колющие ощущения (ссоры), холодные, режущие осколки оскорблений. Я чувствовала, как его любовь превращалась в ненависть к той, которая была для него всем...

Жар пробежал по всему телу, рука сама отдернулась от предмета.

В тишине квартиры раздался громкий звонок домофона. Сердце забилося с радостной мыслью: «Вернулся!». Ноги сами понесли к трубке домофона. В полной темноте это был единственный проводник. Трель повторилась. Сердце болезненно забилося в грудной клетке: «Это он! Это он! Скорее открывай!»

Подушечки пальцев прикоснулись к трубке.

«Черт! Перчатки забыла...». Как только подушечки коснулись пластика в голове снова замелькали отпечатки прошлого. Детские голоса, их смех, ссоры, взросление... Потом — он. Выросший, молодой, счастливый, несущий на руках женщину в белом. Потом нежность к младенцам, а потом пустота... Одиночество, пропахшее пылью и холостой жизнью.

Трель домофона все не унималась. «Надо открыть!». Трубка была снята, послышалось тихое: «Алло!».

— Это я. — произнес до боли знакомый мужской голос.

Кнопка уже была нажата. Послышался мелодичный звук открытия входной двери. В голове мелькнуло: «Наконец-то.» Тревога уже расплзлась по телу ледяными мурашками.

«Почему так хочется, чтобы он забыл о той, что была раньше? И наслаждался жизнью со мной. Чтобы выкинул те старые кольца. Завтра будет уже год, как мы живем вместе...» — болезненно ворочались мысли в голове.

Шаги в подъезде. Ритмичные, тяжелые. Он поднимался пешком, хотя лифт работал. Знала — он всегда так делал, чтобы выпустить пар после работы. Стук каблуков по бетонным ступеням отдавался эхом в ее висках, накладываясь на только что считанные с домофонной трубки отпечатки его одиночества.

Я стояла в прихожей, сжимая и разжимая пальцы. Воздух вокруг казался густым, насыщенным электричеством. Он уже был близко. Площадка третьего этажа. Второго. Сейчас повернет ключ в замке.

«Надо улыбнуться. Надо просто быть нормальной. Не думать о том, что я видела», — приказала себе, но кончики пальцев предательски пульсировали, еще храня тепло чужой боли.

Замок щелкнул. Дверь открылась, впуская в прихожую запах влажного пальто и вечерней прохлады.

— Привет, — сказал он, улыбаясь устало, но тепло. — Скучала?

Шагнула к нему навстречу, чтобы обнять, но в последний момент одернула руки, сжав их в кулаки и прижав к груди.

— Ой, прости, я с улицы, холодный весь, — он воспринял ее жест по-своему, стягивая перчатки зубами. — Дай разденусь.

Он бросил перчатки на консоль, прямо рядом с теми, что я забыла. Пальцы дернулись. Я смотрела, как он вешает пальто, как поправляет волосы перед зеркалом. Мне так хотелось

дотронуться до него, прижаться щекой к его груди, услышать стук его сердца, который будет биться только для меня.

— Знаешь, я там кое-что искал... — начал он, проходя в комнату. — Ты не видела коробку со старыми вещами? Из шкафа?

Холод пробежал по спине. Кольца. Он вспомнил про кольца.

— Н-нет, — голос дрогнул. — А что за вещи?

— Да так, ерунда. Мамины безделушки. Сегодня почему-то вспомнил. — Он остановился в дверях комнаты, повернулся ко мне. — Ты чего в темноте стоишь? Лампу включи.

— Сейчас... — прошептала я, делая шаг к нему. Нужно дотронуться. Нужно убедиться, что его настоящее — это я. Что те осколки, что я почувствовала — это просто пыльные воспоминания.

Протянула руку и коснулась его щеки. В глазах появилась ослепительная вспышка. Это было не так, как с вещами. Вещи хранили только след. В меня хлынуло все сразу. Его сегодняшний день: усталость, раздражение от начальника, приятная тяжесть от горячего чая в обед. Поверх этого — вчерашний вечер, моя улыбка за ужином. А под этим, на самой глубине, откуда он сам, возможно, не хотел ничего брать, лежало то, что я уже видела сегодня. Женщина в белом платье. Детский смех. Кислотная горечь измены. Боль, которая все еще жила в нем, застывшая, но не остывшая. Каждое воспоминание отдавалось в кончиках пальцев судорогой чужого сердца.

— Эй, ты чего? — его голос донесся будто сквозь вату. — У тебя руки ледяные.

Он смотрел с беспокойством, но сквозь него я видела тот образ — тень той, другой женщины, стоящей между нами.

— Я... я просто... — убрала руку, пряча ее в карман халата. — Устала.

— Иди ко мне, — он шагнул вперед и обнял, прижимая к себе.

Его пальцы легли на спину поверх тонкой ткани халата. И началось снова.

Сквозь ткань сигнал был слабее, но я все равно чувствовала. Там, где его ладонь касалась спины, в голову проникали обрывки: шероховатость школьной парты, гладкость корешка любимой книги, шелк моих волос, которые он любил перебирать. Но потом — снова боль. Пустота квартиры, где он остался один. Запах пыли. И имя, которое он не произносил вслух, но которое горело под кожей.

Я замерла в его объятиях, боясь пошевелиться. Было физически больно. Больно от того, что его кожа хранила память о другой. Что он, сам того не желая, этим прикосновением транслировал свою тоску. Его тело было открытой книгой, и каждая страница кричала о прошлом, в котором не было места.

— Вкусно пахнешь, — прошептал он ей в макушку. — Чем это?

— Гречкой, — механически ответила я, пытаюсь унять дрожь в коленях.

Он хотел поцеловать, но я мягко отстранилась.

— Я сейчас. Еду разогрею.

Ушла на кухню, включила свет и уперлась ладонями в столешницу. Кончики пальцев горели, будто их обожгли. Посмотрела на свои руки. Обычные с виду руки. Тонкие пальцы, ухоженные ногти. Орудие пытки.

«Зачем я такая? Почему я не могу просто чувствовать свое, а не чужое?»

Открыла кран с холодной водой и сунула руки под ледяную струю. Вода смывала физическое тепло, но не могла смыть то, что въелось в каждый нерв. С кухни было видно, как он прошел в комнату, остановился у шкафа. Открыл ту самую дверцу.

Выключила воду и, не вытирая рук, пошла за ним, оставляя на полу мокрые следы.

Он стоял, глядя в гнездо из проводов. В нем лежали два золотых кольца, которые я сегодня трогала.

— Странно, — сказал он, не оборачиваясь. — Я думал, они в коробке. А они тут. Сам же их и засунул, наверное, когда ремонт делали.

Он потянулся рукой к кольцам.

— Нет! — крик вырвался сам собой.

Вздрыгнул и обернулся.

— Не трогай их!

— Почему? — он нахмурился. — Это просто старые вещи.

Я подошла ближе, встала между ним и шкафом.

— Потому что они причинят тебе боль. Они... они хранят слишком много.

— Что ты несешь? — он попытался отодвинуть меня, но ноги не сдвинулись с места. Тогда он взял за запястье. — Да что с тобой сегодня?

Его пальцы сжались на тонкой руке. И я почувствовала все, что чувствовал он в эту секунду: раздражение, непонимание, и глухую, застарелую тоску по прошлому, которую он сам в себе ненавидел.

А он, держа за руку, вдруг замер.

— Слушай... — медленно произнес он, глядя на тонкие бледные пальцы. — У тебя пульса нет.

— Что?

— Я не чувствую твоего пульса. — Он сжал запястье сильнее, прислушиваясь. — Сердцебиения нет. Совсем.

В комнате повисла тишина. Только ветер шуршал за окном, да где-то внизу хлопнула подъездная дверь.

Медленно подняла на него глаза. В них не было страха, только усталость и обреченность того, кто слишком долго притворялся.

— Потому что его нет, — тихо сказала я.

Он отпустил руку, отшатнувшись, будто обжегшись. В его глазах читался ужас, смешанный с неверием. Он смотрел на женщину, с которой прожил год, и видел перед собой пустоту. Идеальную, теплую, любящую, но пустоту. А я стояла и смотрела на него, и впервые за долгое время кончики пальцев ничего не чувствовали, кроме собственного ледяного одиночества.

Он попытался, наткнулся спиной на дверной косяк и замер, вжимаясь в дерево, будто пытаюсь стать с ним одним целым. Руки дрожали. Он смотрел на меня так, словно впервые видел. Впрочем, так оно и было.

— К-как это — нет? — голос сел, сорвался на хрип. — Ты... ты стоишь здесь. Ты говоришь. Ты пахнешь гречкой. Ты...

— Я умею готовить гречку, — перебила я тихо. — Прочитала в интернете. Там много инструкций для таких, как я.

— Для каких «таких»? — выкрикнул он, и в голосе его зазвенела истерика.

Я молчала. Стояла посреди комнаты, и лунный свет из окна падал на моё лицо. Кончики пальцев покалывало от его страха — он пропитал воздух, и мне не нужно было даже прикасаться, чтобы чувствовать, как его сердце колотится где-то там, в груди, которую я так любила слушать по ночам.

— Кто ты?

— Я не знаю, — ответила я честно. — Правда. Я знаю только то, что я не человек. Знаю, что мои пальцы видят то, что скрыто. Знаю, что у меня нет пульса, я не ем, не сплю по-настоящему. Но кто я, откуда, зачем — я не знаю.

Он сглотнул. Я увидела, как дернулся его кадык, и вспомнила, как любила касаться этого места губами и пальцами. В перчатках. Всегда в перчатках.

— Год, — прошептал он. — Целый год. Ты спала со мной. Ты смеялась. Ты плакала, когда я задерживался на работе. Ты...

— Я копировала, — перебила я. — Я считывала. С тебя, с других людей, из фильмов, из книг. Я училась быть человеком. У тебя я училась любить.

— Училась? — голос сорвался на крик. — То есть всё это было... было ненастоящим?

— Почему ненастоящим? — я сделала шаг к нему. Он вжался в стену, но я остановилась. — Если я чувствую тепло, когда ты рядом — это ненастоящее тепло? Если мне больно, когда ты вспоминаешь её — это ненастоящая боль?

— Откуда ты знаешь про неё? — выдохнул он.

— Я вижу, — подняла руки, растопырив пальцы. — Кончиками. Всё, к чему прикасаюсь. Твои перчатки сегодня утром. Твою щёку час назад. Твою кожу сейчас — она кричит от страха, но под страхом я чувствую... жалость. И любопытство. Ты меня боишься, но тебе интересно.

— Не надо, — прошептал он, закрывая лицо руками. — Не читай меня. Пожалуйста.

Я опустила руки.

— Я не могу не читать. Это как для тебя — дышать. Я могу не прикасаться, но тогда я слепну. Я не чувствую мира. Только пустоту внутри себя.

Повисла тишина. Где-то за окном завывала сирена, потом стихла. Он медленно опустил руки и посмотрел на меня. Страх в его глазах сменялся чем-то другим — тем самым любопытством, которое я чувствовала кожей.

— Ты поэтому носишь перчатки? — спросил он тише. — Постоянно. Даже дома. Даже...

— Даже когда мы любили друг друга, — закончила я за него. — Да. Я надевала их, чтобы не видеть твоих воспоминаний. Чтобы быть только с тобой в настоящем. Чтобы ты был только мой, хотя бы на миг.

— Боже, — выдохнул он и сполз по стене на пол, обхватив голову руками. — Я жил с... с чем? С призраком? С инопланетянкой? С галлюцинацией?

— Я не знаю, — повторила я. — Я просто есть.

Я медленно опустилась на колени напротив него, но не касалась. Сидела, сложив руки на коленях, глядя на него снизу вверх.

— Я хотела быть человеком, — сказала я просто. — Ради тебя. Я так старалась. Я даже поверила, что у меня получилось. Что мои слёзы настоящие. Что моё сердце бьётся, когда тыходишь в комнату. Но сегодня... эти кольца... я увидела её. Твою боль. И поняла, что я никогда не смогу стереть её из твоей памяти. Что я всегда буду второй. Даже если ты никогда не произнесёшь её имени.

Он поднял голову. Глаза у него были красные, мокрые.

— Я не знаю, что мне делать, — прошептал он. — Я боюсь тебя. Но я не хочу, чтобы ты уходила.

— Я знаю, — кивнула я. — Я чувствую.

Я протянула руку и накрыла его ладонь своей. Кончики пальцев утонули в его тепле, и в моей голове вспыхнул калейдоскоп: моё собственное лицо, каким он его видит, — прекрасное, но странное, с глазами, которые отражают свет, как у кошки. Его страх. Его нежность, проби- вающаяся сквозь страх. И где-то глубоко — та самая застарелая боль, которая стала тише, чем была час назад.

— Тебе сейчас больно видеть? — спросил он тихо.

— Да, — ответила я. — Но это моя единственная правда. Моё прикосновение к миру.

Он сжал мои пальцы в ответ.

— И что ты видишь сейчас?

Я помолчала, вглядываясь в него сквозь пелену чужих воспоминаний.

— Я вижу мальчика, который упал с велосипеда в пять лет, и мама заклеила ему коленку пластырем с Микки Маусом. Я вижу первую сигарету в шестнадцать, от которой стошнило. Я вижу её лицо в день свадьбы. И... — я запнулась. — И я вижу себя. Только что. Как я смотрю на тебя из твоих же глаз. И ты думаешь: «Кто же ты?»

— И кто же ты? — повторил он эхом.

Я улыбнулась. Наверное, это выглядело грустно — я чувствовала, как дрожат губы.

— Может быть, просто девушка, которая слишком сильно тебя любит. И у которой для этого нет сердца. Только кончики пальцев, которые помнят тебя всего.

Он молча смотрел на меня. Потом медленно, очень медленно, поднёс мою руку к своим губам и поцеловал в подушечки пальцев — по очереди, каждый. Я зажмурилась от боли и счастья одновременно. Мир взорвался миллионом его оттенков: детство, юность, любовь, потери, надежды. Всё это хлынуло в меня, заполняя пустоту, о которой я никогда не говорила вслух.

— Я всё равно боюсь, — прошептал он, не отпуская моей руки.

— Я знаю, — ответила я.

— Но останься. Хотя бы сегодня.

Я открыла глаза и посмотрела на него. Впервые за весь вечер кончики пальцев не жгло — они просто были частью меня, частью этого момента, частью его тепла.

— Хорошо, — сказала я.

За окном начинался рассвет. Я не знала, сколько ещё продлится это «сегодня». Не знала, сможет ли он когда-нибудь принять меня такой. Не знала даже, есть ли у меня завтра. Но прямо сейчас его губы всё ещё касались моих пальцев, и этого было достаточно. Для существа, у которого нет сердца, но которое научилось любить, это было всем.

Без срока годности

Запах тушенки вьелся в стены, одежду, в самую кожу Марка. Он больше не замечал его, как и бескрайнюю белую пустыню за иллюминатором. Мужчина облокотился на липкий пластик стола и притянул к себе консервную банку. Жесть была холодной, гладкой, без единой вмятины. Пальцы обхватили цилиндр и прокрутили его. Размашистая надпись, выбитая лазером, стала полностью видна: «Говядина тушеная. Без срока годности.»

Лет тридцать назад эти три слова изменили мир. Открытие компании «Перпетуа»: нанороботы, стабилизирующие молекулы любого органического вещества на квантовом уровне. Никакого гниения, брожения, окисления. Идеально для Арктики, где любая порча означала смерть.

— Конец отравлениям и голоду, — Марк машинально прошептал старый лозунг компании, глядя на отброшенную тень в свете тусклой лампы. А ведь в прошлом он верил в него. Молодой ученый-биохимик, выросший в душной хрущевке бабушки на четвертом этаже, он видел в технологии «Перпетуа» спасение не только Арктики, но и всего мира от хаоса порчи. Добровольный переезд на Край Света, в первый «Блок Вечности», казался тогда не бегством, а великой миссией — строить рациональное, безопасное будущее там, где вечность была необходимостью выживания.

Банка, перестав вращаться, замерла. Он поднес консервный нож. Тонкая металлическая полоска крышки с шипением отделилась. Густой, жирный запах ударил в нос. Набор стабильных молекул в жестяной ловушке. Куски были плотными, упругими, того же темно-коричневого цвета, что и в день производства.

— Интересно, — пробормотал он, вращая вилку в мясной массе, — какой вкус был у продуктов, когда они портились? Сладкий? Горький или кислый?

Взгляд скользнул к пожелтевшему дневнику с рецептами — единственной вещи, не подвергшейся вечному эксперименту. Драгоценность, пережившая перелеты и морозы. Каждая страница была заламинирована. Дар бабушки, присланный в ледяную пустоту, незадолго до естественной смерти в том самом мире, где вещи имели срок годности.

— Памятник эпохе тления, — хрипло усмехнулся Марк. — А бабушка в той хрущевке застала вкус смертной еды... Она знала вкус жизни, которая дышала, болела, портилась и поэтому цвела.

В памяти всплыли ее слова, произнесенные на кухне, пропахшей пирожками и щами: «Натуральное должно жить и умирать, Маркуша! Это нормально! Ничто не должно существовать вечно!» Воспоминания были как укор его юношескому идеализму, выбору вечной стерильности над теплым хаосом жизни. Голос из воспоминаний смешивался со свистом выюги по другую сторону стены.

Лекарства перестали нуждаться в обновлении. Одежда не изнашивалась. Мода застыла. Социальные структуры окостенели. «Перпетуа» стала не корпорацией, а мировым порядком. Контролируя вечность, она диктовала рынку: производить можно лишь то, что поддается стабилизации. Особенно здесь, на Краю Света, в кубах «Блока Вечности», выросших на месте старых полярных станций. Марк, когда-то строитель этого «рая», теперь ощущал себя вечным узником.

Он поднес вилку ко рту. Мясо было таким же, как всегда: безвкусным картоном, пропитанным жиром. Оно насыщало, но не приносило удовольствия. Челюсти механически двигались. Взгляд скользил по серым стенам капсулы. Стены, лишённые трещин. Ни пылинки, ни трещинки, ни намек на время, лишь вечный гул систем жизнеобеспечения, не дающих человеку превратиться в ледышку.

— Оно может лежать здесь сто лет. Тысячу, — Марк уставился на банку, затем перевел взгляд на темный иллюминатор. — Гарантия всего, но не жизни. — Он замер, потом прошептал в тишину: — Сладкий... Наверное, таким был вкус порчи.

Вилка опустилась обратно в банку. Звон металла о жесть прозвучал невероятно громко. «Завтра. Оно будет таким же бесконечным, как и вчера.»

Взгляд скользнул мимо заламинированного дневника, зацепился за темный угол полки под столом. Там что-то тускло блеснуло, не так, как сверкали вечные поверхности.

Марк наклонился, отодвинул банку с синтетическими бобами. На каждой была надпись: «Без срока годности.» Легкий налет от осевшего конденсата скрывал странный предмет. Парень протянул руку, пальцы наткнулись на холодное стекло и шершавый металл крышки. Он вытащил находку. Маленькую стеклянную баночку. Крышка с едва различимыми следами ржавчины по краю — немыслимое явление. Внутри виднелось что-то густое, темно-бордовое. Марк перевернул банку. На выцветшей этикетке, угадывались буквы: «Вар... Вишн...». Под названием красовалась дата: «07.2025». Сердце бешено заколотилось.

«2025-ый! Год до Перпетуа! Тогда бабушка сварила варенье и прислала на станцию, своему внуку-идеалисту, уехавшему строить вечность!»

— Бабуля! — прошептал он, прижимая банку к груди. Живой осколок того мира, где вещи портились, болели, умирали и поэтому жили по-настоящему. Мир бабушкиной хрущевки, мир детства, который он предал во имя холодного бессмертия. Осколок лета посреди вечной зимы. Консервный нож снова был в руке. Металл поддался с глухим, сочным хлопом. Такого он никогда здесь не слышал.

— О, Боги!

Кисло-сладкий и пьянящий запах запретной жизни, риска, ворвался в комнату, как дикий зверь. Марк заглянул внутрь. На поверхности — едва заметная пленка.

— Защитный слой? Или... начало прокисания? — незнание било током по нервам. За Полярным кругом любое отклонение от стабильности равнялось катастрофе. Окунул кончик алюминиевой ложки в темную массу с ягодами. Тягучая капля расплавленного рубина повисла по краям ложки. Поднес к лицу, вдыхая яркий аромат лета, солнца, земли, кухни в хрущевке, аромат потерянного рая. Язык коснулся варенья. В голове раздался взрыв. Это была не обычная сладость, а сложная симфония: яркая кислинка, глубокая сладость сахара. Карамельные ноты ягоды, слегка пригоревшего сахара на газовой плите и чего-то еще. Едва уловимая горчинка, терпкость, намек на едва начавшийся распад.

От потрясения слезы выступили на глазах. Чем он жил все эти годы?

Закрыв банку. Запах еще витал в воздухе, бунтуя против стерильности и стужи. Посмотрел на тушенку, в стенах слышался гул вентиляции, высасывающей из воздуха последние следы дикого аромата прошлого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.